

Линь Ханьчжи смотрел на молчащего Ци Гу и тоже не отводил глаз, погружённый в собственные мысли. Он успел придумать очень многое: от того, что Ци Гу ничего к нему не чувствует, до того, будет ли Ци Гу навещать его после смерти.

Снаружи Линь Ханьчжи казался живым и весёлым, но основа его жизни была пропитана одиночеством и горечью. Даже мысли шли по тому же пути: любое событие он сначала рассматривал с худшей стороны и не осмеливался верить, что что-нибудь хорошее действительно может случиться с ним.

Пока он думал всё глубже, повреждённая часть души у правой руки внезапно пронзила его болью.

— Тсс... — вырвался тихий звук.

Линь Ханьчжи присел, прижимая левой ладонью болезненное место. Если бы он не ушёл так глубоко в мысли, даже этого звука никто бы не услышал — он сделал бы вид, будто ничего не произошло.

Пока сознание оставалось ясным, Линь Ханьчжи всегда умел прекрасно скрывать боль. Никто не должен был знать, что ему тоже бывает больно и что он тоже может быть жалким и беспомощным.

На лбу выступил мелкий холодный пот. И без того белое лицо стало ещё страшнее — будто его только что вытащили из воды.

Выйдя из отчаянных мыслей, Линь Ханьчжи тут же поднялся, намереваясь снова притвориться, что всё в порядке.

Но в следующую секунду Ци Гу схватил его за руку — крепко, не позволяя вырваться ни на волос.

Ци Гу очень серьёзно размышлял, но болезненного вдоха Линь Ханьчжи оказалось достаточно, чтобы на время выбросить из головы всё остальное и посмотреть только на него.

В миндалевидных глазах Ци Гу потемнело, голос стал ледяным:

— Что с рукой? Запястье болит? Судорога?

Линь Ханьчжи поднял глаза и ошеломлённо посмотрел на Ци Гу, который внезапно оказался совсем близко. Через соприкасающуюся кожу он чувствовал тепло ладони Ци Гу.

— ...Наверное, судорога, — ответил Линь Ханьчжи. Он не ожидал, что из-за небольшой боли в

руке Ци Гу настолько потеряет спокойствие, и осторожно спросил: — Поможешь размять?

Ци Гу ничего не сказал. Лицо оставалось холодным и суровым, но тёплая мягкая ладонь уже легла на руку Линь Ханьчжи и осторожно сжала мышцу.

— Здесь? Так не больно?

Линь Ханьчжи смотрел на опущенное лицо Ци Гу. Тот поджал губы и выглядел очень недовольным, но движения на его руке были необычайно бережными.

На бледных губах Линь Ханьчжи невольно появилась улыбка.

И тут Ци Гу несильно ущипнул его, раздражённо бросив:

— Рука так болит, а ты ещё улыбаешься? Завтра встань пораньше и запишись к врачу. Пусть разберутся, почему у тебя судороги.

Линь Ханьчжи вдруг стало не так страшно.

Он был пессимистом, но Ци Гу словно действительно никогда не оставлял ему самый плохой финал.

Ци Гу и правда относился к нему иначе.

— Можно чуть легче? — тихо спросил Линь Ханьчжи.

Ци Гу будто раздражённо буркнул что-то в ответ, но руки действительно стали ещё мягче. Он нажимал на мышцу раз за разом, почти как котёнок перебирает лапами.

Мяо Юэ посмотрела на них и сразу поняла: это дело реально выгорит. От радости она едва сама не запрыгнула на дерево.

Цзэн Цинхуань тоже тайком веселился, наблюдая за двумя дураками, которые нравились друг другу, но так и не успели сказать об этом вслух.

Пубу Гэсан тем временем открыл на телефоне раздел «Медицина и здоровье» и попытался записать своего пса-босса к специалисту на осмотр руки... Выглядело действительно серьёзно, даже пот выступил. Не похоже на притворство.

Мяо Юэ тут же выхватила телефон:

— Об этом уже есть кому переживать. Не суйся туда, где без тебя разберутся.

Пубу Гэсан:

— Ау.

Он знал: Мяо Юэ надёжная, значит, всё нормально.

А Му Синчэнь тем временем смотрел, как учитель уже десять минут разминает брату Линю руку. Он испугался, что Ци Гу устанет, и предложил:

— Учитель, если вы устали, я могу вас сменить!

Очень почтительно.

Но Линь Ханьчжи бросил на него такой прохладный взгляд, что Му Синчэнь тут же замолчал. Вдруг потом брат Линь перестанет заступаться за него перед учителем?

□После такого не жениться уже просто преступление. Вы вообще уважаете Юэлао, Купидона и сорок?!□

□Я впервые увидел, чтобы Гугу двигался настолько быстро. Только что сидел в позе задумавшегося Давида — и мгновенно вскочил. Такая скорость разве что у олимпийского чемпиона□

□ОН ЕГО ТАК ЛЮБИТ (кричит во всё горло)□

□Ругается страшно, но руку-то разминает□

□У меня парень такой же. Когда я по собственной дурости травмируюсь, он одновременно ругает и мажет лекарством, ха-ха-ха□

□«Можно чуть легче?»~□

□Уровень этой зелёной чайки реально слишком высокий□

□Да не такой уж и высокий. Главное, что наш Гугу именно на это и ведётся. Ещё как ведётся□

□Что «ведётся», на что именно? Можно подробнее? Я ребёнок, не понимаю (соединяет пальчики)□

□Предыдущий, ты...□

□Сестрица Мяо — настоящий охранник любви, отлично-отлично!□

□Умираю. Пубу Гэсан и Му Синчэнь — мой вечный источник радости. Парочка друг другу руки мнёт, вы-то тут при чём!□

□Если я правильно увидел, Чжичжи только что на Сяо Му зыркнул...□

□Агент Му Синчэня здесь? Запишите ребёнка на курсы чтения атмосферы. Так дальше нельзя!□

□Поддерживаю□

□Не надо! Если он научится понимать намёки, где я потом буду брать развлечения?!□

Ци Гу понятия не имел, какое веселье бушует в комментариях. Он думал только о руке Линь Ханьчжи: какой врач лучше лечит судороги и легко ли записаться на приём к специалисту.

Пока он размышлял, руки не останавливались. Брови слегка сошлись. Тепло его ладоней непрерывно передавалось мышцам Линь Ханьчжи, постепенно согревая их. Боль и правда немного ослабла.

— Лучше?

— Угу. — Линь Ханьчжи чуть помедлил.

Ци Гу заметил паузу:

— Тогда ещё немного разомну.

На самом деле собственные руки уже начинали ныть и неметь.

Линь Ханьчжи накрыл его кисть ладонью и покачал головой:

— Не надо разминать. Просто положи руку на мою. Температура у тебя выше моей. Когда ты держишь, будто грелка приложена — тоже помогает.

Ци Гу послушно превратился из массажёра в грелку. Можно сказать, выполнял любую просьбу.

Но стоило рукам остановиться, как внутренние эмоции снова загудели. И Ци Гу ещё отчётливее понял: к Линь Ханьчжи он действительно относится иначе.

Если бы на боль пожаловался кто-то другой, Ци Гу максимум осмотрел бы, дал таблетку — и всё. С чего бы ему лично столько времени разминать чужую руку?

Для солёной рыбы это уже совершенно запредельная физическая нагрузка!

В голове снова начали кричать маленькие Линь Ханьчжи. Каждый карабкался куда-то ближе и пытался говорить первым.

Ци Гу внезапно сурово посмотрел на настоящего Линь Ханьчжи:

— Линь Ханьчжи, не говори.

Фраза появилась совершенно без причины.

Линь Ханьчжи, который всё это время вообще молчал и был настолько послушным, что сам на себя не походил:

— ...?

Он ничего не понял.

Но спорить не решился.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949146>